

УТВЕРЖДАЮ

Ректор ФГБОУ ВПО
«Костромской
государственный
университет
им. Н. А. Некрасова»
А. Р. Наумов

2014 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации о диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук Шулякиной Юлии Сергеевны
ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ХАРАКТЕР И ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА» В ГОВОРАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Знание основных черт каждого национального языка немыслимо без знания его диалектов. Некогда В.В.Виноградов неоднократно говорил, и более определённо в статье «Русский язык в современном мире» (сборник «Будущее науки», 1969 г.) о многодиалектном составе русского языка как о той питательной базе литературного языка, которая обеспечивает ему длительную и полнокровную жизнь в современном мире. Несомненно, говоры, в отличие от других форм национального языка, в том числе и стандартной, кодифицированной, в наибольшей степени сохраняют черты древнейших форм существования русского языка, что способствует пониманию коренных основ языка и сплочению нации. По большому счёту, говоры надо считать первой по значимости после литературного языка формой национального языка, а не второй, в отличие от мнения О.И.Блиновой. Однако до сих пор в силу разных обстоятельств русские говоры, не только периферийные и вторичного образования, но и центра, остаются неизученными в достаточной мере. Это положение справедливо и по отношению к владимирско-поволжским среднерусским центральным говорам, в том числе и ивановским. Активный сбор лексики в рамках всероссийского проекта Лексический атлас русского языка (ЛАРНГ), предпринятого ИЛИ РАН СПб., значительно продвинул вперёд диалектологические штудии на территории европейской части России и тем самым обогатил отечественную русистику. Так, на кафедре русского языка и общего языкознания Ивановского госуниверситета в результате регулярного полевого сбора диалектной материала была создана внушительная картотека диалектной лексики. Она позволила руководителю школы ивановских диалектологов О.И.Жмурко опубликовать Тематический словарь лексики природы в ивановских

говорах и создать с учениками и коллегами целую серию научных исследований в области ивановских диалектов, в том числе и диссертационных.

Реферируемая диссертационная работа Ю.С.Шулякиной построена в соответствии с теоретическими принципами ивановской диалектологической школы и основана на использовании богатых полевых наработок ивановских и шуйских диалектологов. Оказалось, что лексика по теме «Человек» представлена таким количеством собранной лексики, что в ней можно вычленить несколько тематических групп и подгрупп, одна из которых и стала объектом рассмотрения в реферируемой диссертации. Это лексика по теме «Характер и поведение человека», насчитывающая 592 лексические единицы. В работе преследовалась цель комплексно проанализировать семантику и словообразовательные особенности данной лексики в пределах говоров Ивановской области и тем самым отразить своеобразие речевой картины мира в одном из регионов России. В диссертации выдвигаются такие актуальные для настоящего времени проблемы, как рассмотрение лексики края в качестве составляющих этнокультурной и языковой истории Ивановской области в ее прошлом и настоящем; выявление способа сосуществования в диалектах форм литературного языка, собственно диалектных черт и просторечия, что превращает рассматриваемый речевой идиом в полудиалект; анализ в пределах лексико-семантических групп синонимических и антонимических отношений составляющих их компонентов и выявление мотивационных связей лексем и др.

ГЛАВА 1 диссертации ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ открывается обширным параграфом «Антропоцентризм как активно разрабатываемый научный принцип современной лингвистики» (с.11-33), где в изложении автора и цитатно приводится ряд теоретических сведений из истории отечественной и зарубежной лингвистики, которые важны для понимания теоретических предпосылок её работы. Здесь даются понятия *антропоцентризма* как особого принципа исследования в формулировках В.И.Постоваловой и Е.С.Кубряковой (с.11), определения той модели мира, которая в результате взаимодействия человека с миром складывается в его представлении о нём и которая в философско-лингвистической литературе именуется *картиной мира* (КМ) (с.27– 28) и собственно *языковой картины мира* в интерпретации Н.Ю.Шведовой (с.30), понятие *языковой личности*, которая «обязана организовать содержание высказывания в соответствии с той картиной мира, которая присуща данному языку» (с.29). Как и во многих работах подобного плана, изложение теории начинается с имени В.фон Гумбольдта (с.11-12), затем традиционно перетекает в освещение идей А.А.Потебни (с.13-15), затем И.А.Бодуэна-де Куртене (с.15) и Л.В.Щербы, который трактуется как «прямой последователь И.А.Бодуэна де Куртене» (с. 16-18), немало внимания уделяется изложению теорий Г.Шпета (с. 19-

21) и др. зарубежных и русских философов, рассматриваются труды Г.О.Винокура, Н.И.Толстого, Ю.С.Степанова, Е.С.Кубряковой и т.д.

Во втором параграфе «Диалектная языковая картина мира. Диалектное слово» этой главы излагается развёрнутая трактовка понятия ДЯКМ – языковой диалектной картины мира. Исследователь справедливо полагает, что «изучение лексики русских народных говоров дает больше возможностей для экспликации фрагментов языковой картины мира, так как описание диалектных фактов как элементов общенародной лексической системы позволяет заполнить те лингвистические лакуны, которые дают полноту представлений о национальной культуре народа» (с. 34). Как и О.И.Блинова, Ю.С.Шулякина в лексической системе говора выделяет общерусские, диалектно-просторечные и собственно диалектные элементы (с. 39). На страницах 39-40 чётко представлена авторская позиция в отношении понимания диалектного слова, где автор, соглашаясь с точкой зрения Л.И.Баранниковой и И.А.Оссовецкого и, видимо, с положениями Программы ЛАРНГ, склоняется к широкому пониманию данной речевой единицы, так как в говоре как единой функциональной системе все явления надо рассматривать как равно диалектные, что совершенно неоспоримо.

В третьем параграфе «Лексико-тематическая и лексико-семантическая группировка лексических единиц как способ описания фрагментов региональной языковой картины мира» автор заявляет, что «одним из способов описания фрагментов РЯКМ является выявление и анализ тематических и лексико-семантических сфер, предполагающих рассмотрение лексем на фоне системных связей, с учетом культурного и национального своеобразия». Действительно, собранный по Программе ЛАРНГ материал, а там предусматривается его систематизация в виде тематических и лексико-семантических групп, позволил в настоящем диссертационном исследовании осмыслить его с антропоцентрических позиций, т.е. тех личностных установок и ментальных позиций, которые присущи населению именно данного региона. Обсуждение Ю.С.Шулякиной проблем трактовки тематических и лексико-тематических групп завершается её собственной формулировкой этих понятий (с.46). При этом исследователь большое внимание уделяет проблемам мотивированности диалектного слова.

В исследовательской ГЛАВЕ 2. ЛЕКСИКА, НАЗЫВАЮЩАЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ЕГО ХАРАКТЕРУ И ПОВЕДЕНИЮ, В ГОВОРАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ рассматривается лексика, которая оказалась в материалах диссертанта наиболее многочисленной по лексическому наполнению. Автором последовательно анализируются следующие лексико-тематические подгруппы этого множества: наименования, характеризующие человека как индивида и человека как члена социума; наименования, характеризующие человека по его интеллектуальным способностям, эмоциональному состоянию и речевому общению (§2.1), наименования, характеризующие человека по отношению к нормам

нравственности (§2.2). Подобные формулировки включает в себя программа ЛАРНГ, положениям которой следует автор в своей работе при классификации и анализе словарного состава ивановских говоров.

В главе большим количеством составляющих представлена тематическая группа, построенная на основе бинарной оппозиции по признаку 'умный'(26 членов) / 'глупый'(43 лексических единицы и 3 устойчивых выражения). Ю.С.Шулякина даёт внятное представление о причине такой диспропорции, объясняя её социально-культурными и психологическими особенностями характера носителей диалекта. Далее диссертант говорит о том, что «широкое распространение в исследуемых говорах получили просторечные прилагательные *башкови́тый* и *мозгови́тый* 'умный, сообразительный, толковый' [МАС·I: 66; II: 288], образованные посредством морфа *-овит(ый)* (с. 57), но приводит всего три примера их употребления в ивановских говорах. Затем, пользуясь материалами Словаря русских народных говоров (СРНГ) и Ярославского областного словаря (ЯОС), утверждает, что в других русских говорах, в том числе ярославских и костромских, более распространены прилагательные с морфом *-оват(ый)*. Как кажется, сравнение несколько некорректно, так как его надо проводить на большем количестве примеров.

Собранные Ю.С.Шулякиной в ивановских говорах лексические материалы слов разных частей речи с корнем *ум*, насыщенные тонкими наблюдениями над их семантикой, словообразовательной дистрибуцией и особенностями функционирования, свидетельствуют о богатстве лексики изучаемых центральных русских говоров и зоркости исследователя. Те же самые характеристики можно отнести и к анализу однокоренных слов с корнем *дел*.

Функционирование прилагательных в русских говорах, особенно севернорусских, отражает как бы застывшую древнейшую историю деграмматикализации их причастных форм, потерявших характеристику вида, залога и времени и претерпевших превращения их морфов в слабые аффиксы прилагательных, сохранивших намёк на действие. Таковы, как кажется, прилагательные в ивановских говорах, проанализированные Ю.С.Шулякиной: *разумливый, ветляный, кумекливый, затейливый, смышлёный, симпотнёнький* и др. Кстати, слово *ветляный* имеет всего один контекст, и по нему значение слова «'способный, бойкий, сообразительный', ср.: *Он ветляный мальчишка-то*. Пуч. [Батырева, 2009: 18]» установить трудно (с. 59).

Интересно, что слово *безвале́тный* с точки зрения народной этимологии связано с лексемой *вольт* 'единица электрического напряжения, электродвижущей силы' [МАС I: 208], ср.: *Безвалетный, значит, вольто́в в голове нет* (Юрьевецкий р-н) (с.61). Ценной находкой, обнаруженной в ивановских говорах и выразительно прокомментированной диссертантом, является характеризующее наименование *гаранька*: «*Был Ванька – гаранька. – Почему гаранька? –*

Потому что глупый (Родниковский р-н). Зафиксированное также в новгородских говорах нарицательное существительное общего рода *гаранька* является прозвищем и восходит к имени собственному Гарасим (Герасим) [СРНГ 6: 137]» (с. 63).

Представляют интерес наблюдения диссертанта над функционированием слова *глумной* в ивановских говорах в сравнении с наблюдениями Т.В.Бахваловой в орловских говорах, выразительно выглядит приведённый в диссертации ряд однокоренных дериватов с различным аффиксальным оформлением, мотивированных общей лексемой **durь*, где почти каждое слово охарактеризовано со стороны особенностей своей семантической структуры.

Метафорические переносы, например, такие, как *человек-дерево*, обнаруженные автором в ивановских говорах, демонстрируют проявление семантических универсалий во многих русских говорах и хорошее знание автором литературы по теме.

Подгруппа наименований, характеризующих человека по его интеллектуальным способностям, представленная в ивановских говорах в основном отсубстантивными именами существительными и прилагательными, имеет некоторый количественный перевес в сторону обозначения отрицательных характеристик. Также отмечены факты образования лексем в результате метафорического переноса. Интересно, что слово *грустливый* обнаружено и в костромских (красносельских) говорах как типичная фамилия жителей села Красное-на-Волге.

Вызывает сомнение толкование диссертантом слова *недельный*: «негативно-приставочное прилагательное *неде'льный* называет бестолкового, ничего не умеющего делать человека, ср.: *Таня, дочь моя, недельная, непробивная* (Тейковский р-н)» (с. 67). Полагаем, что здесь значение включает и иронически-оценочную коннотацию, которая позволяет более тонко оценить суммарное значение лексемы не как отрицательной характеристики, а положительной: не просто ленивая, а «непробивная», скромная. Возможно, это факт амбивалентных отношений.

Отличаются полнокровностью рассуждения диссертанта о семантике слова *чалдон* в контексте оппозиции свой / чужой.

Положительным фактом работы Ю.С.Шулякиной является обращение к мнениям авторитетов мирового уровня, в частности, философов, например, следующее: «Еще немецкий философ И. Кант по степени активности выделял два вида эмоциональных состояний: стенические эмоции – переживания, повышающие активность личности, и астенические – переживания, снижающие активность личности» (с. 72), но это положение, как и ряд подобных, не атрибутировано.

По поводу продуктивности употребления метафор в описываемой лексике можно присоединиться к её мнению, полностью совпадающему с мнением Е. В. Колосько по вопросу о том, что «диалектная лексика, употребляемая в метафорических значениях, характеризующих человека, является частью экспрессивной, эмоционально-оценочной лексики,

которая не привязана лишь к какому-либо одному диалекту, не является уникальной особенностью какого-либо единого говора» [Колосько 2001: 205–206]» (с. 71).

Развёрнуто, с элементами компонентного анализа на с. 74-75 даётся характеристика целого ряда лексических единиц, называющих в ивановских говорах плаксу, реву (кстати, дадим техническое замечание: в тексте диссертации нередко отсутствует буква ё, например, выше в слове *реву*).

Пожалуй, ни в одном лингвистическом произведении не содержится такого объёмного по составу и детально разработанного с позиций антропоцентризма лексического материала, отрицательно характеризующего человека по его речевому поведению (указывающего на неэтикетность речи) и объединённые в лексико-семантические группы: *брюзга*, *бубни́ла*, *ворчу́н*, *грызу́н*, *дед*, *ехи́дна*, *зану́да*, *зуда́*, *мозгое́д* – ‘ворчун, ворчунья’; *га́лма́н*, *гло́тка*, *горлоде́р*, *горлопа́н*, *горлопа́нка*, *горлопа́нья*, *крику́н*, *крику́нья*, *крику́ша*, *ляга́рва*, *ляга́рма*, *ора́кля*, *ора́ло*, *ору́н*, *поло́хала*, *прозвоно́к*, *яга́рма* – ‘крикун, скандалист’; *брызга́*, *вздо́рник*, *вздо́рница*, *жи́жа*, *здо́рник*, *самоду́р*, *сведе́нцы* (*свиде́нцы*) – ‘вздорный, сварливый человек’ (34 лексические единицы) (с.83). Однако все эти лексемы, как и слова многих других групп, рассматриваются в одной плоскости: не выявляется ни узуальная, ни окказиональная лексика, ни слова, давно укоренённые в говорах, ни слова позднего демогенезиса, ни слова субстратного происхождения.

Также детально разработаны автором члены лексических групп, называющие людей, ведущих праздную и разгульную жизнь, избыливающие стилистически сниженными, отрицательно-оценочными характеристиками (с. 141-148).

Положительно оценивая в целом труд Ю.С.Шулякиной, в заключение выскажем некоторые замечания.

1. Хотелось бы возразить против следующего положения автора на с. 54: «Лингвисты, наблюдающие речевую деятельность современных носителей диалекта, подтверждают высокую степень концентрации литературных форм, их совмещение с диалектными формами и вытеснение последних». Тут она опирается на утверждение О.И.Жмурко о том, что записываемое в диалектологических экспедициях следует определить как полудиалект – смешанный тип речи – и что реально он представляет форму сосуществования в речи одной языковой личности элементов литературного языка, общерусского просторечия и говора (с.54). Тут уместно вспомнить слова В.М.Жирмунского о том, что вера в существование чистого диалекта – это миф и что в немецких диалектах 30-х годов XIX в. речь старичков и старушек представляет собой полудиалект. И в отношении ивановского полудиалекта конца XX – начала XXI вв. надо решить вопрос: можно ли всё ещё считать его диалектной системой или уже системой литературного языка, включающего определённое количество диалектизмов (как в известном анекдоте о

стакане, который или наполовину пуст или наполовину полон)? Кроме того, говоря о «литературных формах» в диалекте, надо уточнять, идёт ли речь о лексических заимствованиях из литературного языка или же о общерусских явлениях, свойственных и диалектам и литературному языку. И в этом случае в диалекте как особой функциональной форме национального языка, как верно выше сказала автор диссертации, эти явления получают определённую специфику и становятся «равно диалектными» наряду с «подлинными» диалектизмами. Представляется, что в этом случае предпочтительнее держаться терминологии О.И.Блиновой, с которой выше солидаризировалась Ю.С.Шулякина (с.39).

2. Статус «просторечное слово» в говоре определяется автором по словарям литературного языка. А так ли это в говоре? См., например, следующее: «Способного легко понять, смышленного, ловкого человека в ивановских и ярославских говорах называют *у'ильый*, ср.: *Он в этом деле уильый, знает, как приняться да чего делать. Не то что мы, сразу то и не сообразим, за что взяться. Он соображает* (Шуйский р-н); *Серёжа уильый, хорошо учится; Спроси у Нюрки, она ушлая, всё знает* [ЯОС 10: 26]. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой данное слово приведено с пометой *прост.*» (с. 60).

3. Иногда в работе приводится бесцитатный материал, в точности интерпретации которого можно усомниться. Не проясняют дело даже тенденциозно подобранные, редкие для данной диссертации этимологические сведения. Наверняка в говоре есть немало синонимов к слову *благутонный*, которые как члены определённой ЛСГ амбивалентны в русском языке. См.: «Отрицательная семантика неспособности к результативной мыслительной деятельности актуализирована в диалектном слове *благутонный* 'блаженный, недоумок, придурок' (Юрьевецкий р-н), ср.: *блаженный* 'глуповатый, чудаковатый (первоначально юродивый)' [МАС I: 96], однокоренные чеш. *blázen* 'сумасшедший, душевнобольной, помешанный', словц. *blázon* 'безрассудный, неразумный человек, глупец', в.-луж. *blazn* 'глупец, дурак; шутник', н.-луж. *blazn* 'сумасшедший, дурак' [ЭССЯ 2: 105]]» (с. 61).

4. Вероятно, надо избегать в работе подобного жанра таких эпитетов, как «немецкий философ Кант», «знаменитый естествоиспытатель Ч. Дарвин» и др.

5. Местное ивановское слово нередко комментируется при посредстве извлечённых из литературных и областных словарей мотивировочных слов: «Зафиксированная в Юрьевецком районе лексема *рыдалица* образована от глагола *рыдаться* 'громко плакать, судорожно всхлипывая' [МАС III: 745], 'оплакивать кого-либо' [СРНГ 35: 303], в зависимости от значения мотивирующего слова может служить наименованием как плачущего ребенка, так и женщины-плакальщицы на похоронах» (с. 75).

6. Автор утверждает, что «Лексема *кила* 'о надоедливом, ворчливом человеке', отмеченная также в ярославских, свердловских,

уральских и других говорах, ср.: *Не кили ты, вот кила настоящая*. Свердл. [СРНГ 13: 206], обнаруживает связь с глаголом *кили'ть* 'ворчать, жаловаться на что-либо', 'неотступно просить что-либо' Волог. [СРНГ 13: 208]». Как кажется, наоборот: глагол мотивирован существительным.

7. Как уже указывалось выше, автор не замечает амбивалентности ряда слов в говоре, сосредоточивая своё внимание на семантике узкодиалектных слов, выявляет только одно значение (положительное или отрицательное) этих многозначных слов, игнорируя лексику общеупотребительную данной ЛСГ. Возможно, вводит в заблуждение и отсутствие развёрнутых текстов, иллюстрирующих слово. См., например: «В Лухском районе зафиксировано слово *лю'тый* 'активный, деятельный, жизнерадостный', ср.: *Такая была лютая, весёлая баба-то Настя* (Лухский р-н), хорошо известное другим народным говорам в значениях: 'ловкий' Моск., 'смышлелый, догадливый' Влад., 'смелый, удалой' Горьк. [СРНГ 17: 249]. Заметим, что в народных говорах данная лексема обладает положительной семантикой в отличие от литературного языка, где слово *лю'тый* отмечено в значении 'жестокий, беспощадный (о человеке)' [МАС II: 211] и продуцирует отрицательные эмотивно-оценочные коннотации» (с.76). То же относится и к лексике в следующем тексте автора: «Отрицательная семантика слова *блажить* восходит к праславянскому **blazniti*, известному в большинстве славянских языков: ст.-слав. *блазнити* 'обманывать, соблазнять'; словен. *blázniti* 'вести себя безрассудно, нести вздор, бредить', 'браниться, богохульствовать'; чеш. *blázniti* 'быть не в своем уме', 'вести себя безрассудно', 'дурачить, вводить в заблуждение'; русск.-цслав. *блазнити* 'соблазнять, приводить в досаду, в сомнение, обманывать' [ЭССЯ 2: 103–104]» (с.105).

8. Сравнивая обсуждаемые в диссертации слова ивановских говоров со словами некоторых русских говоров, автор не ставит специальной задачи выявлять их изоглоссы. Хотя бы в некоторых случаях это следовало бы сделать. Как представляется, выражение *кричат песни* имеет исходную южнорусскую изоглоссу.: «Наряду с ивановскими, в орловских, брянских, новгородских говорах бытует устойчивое лексическое сочетание *крича'ть песни* 'громко петь песни' (во владимирских, мордовских – *крыча'ть песни* [СРНГ 15: 262]), ср.: *Девчата песни кричат* (Фурмановский р-н); *Я смолоду мастерица песни кричат. Теперь стара, задыхиваюсь*. Брян. [СРНГ 15: 261]» (с. 80).

Диссертационная работа Ю.С.Шулякиной имеет прозрачное композиционное построение, чёткие выводы к главам и объёмное заключение, хорошо скомпонована и выверена. Она располагает информативным приложением и большим списком использованной литературы и словарей. Опубликованные работы полностью отражают содержание диссертации.

Диссертационное сочинение Ю.С.Шулякиной производит благоприятное впечатление, высказанные замечания не колеблют её

положительной оценки и носят рекомендательный, а в ряде случаев и дискуссионный характер.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что диссертация Шулякиной Юлии Сергеевны «Лексика тематической группы «Характер и поведение человека» в говорах Ивановской области» является самостоятельной законченной научно-квалификационной работой, которая представляет собой исследование актуальной проблемы, характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, **отвечает требованиям п.9, п.10, п.11. п.12, п.13, п.14** Положения о присуждении ученых степеней (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а ее автор Шулякина Юлия Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук, профессором, профессором кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова» Ганцовской Ниной Семеновной, обсужден и утвержден на заседании кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова» от «10» ноября 2014 г., протокол № 4.

Заведующий кафедрой русского языка
ФГБОУ ВПО «Костромской государственный
университет имени Н. А. Некрасова»,
доктор филологических наук, профессор

И.Ю. Третьякова

Третьякова Ирина Юрьевна
156961, г. Кострома, ул. 1-го Мая, д. 14, к. 41.
Телефон (84942) 39-16-29.
Адрес электронной почты kaf_rus@ksu.edu.ru
Место работы: ФГБОУ ВПО «Костромской государственный
университет имени Н. А. Некрасова»
Должность: заведующий кафедрой русского языка

Ганцовская Нина Семеновна
156961, г. Кострома, ул. 1-го Мая, д. 14, к. 41.
Телефон (84942) 39-16-29; дом. 32-28-15.
Адрес электронной почты gantsovsky_n@mail.ru
Место работы: ФГБОУ ВПО «Костромской государственный
университет имени Н. А. Некрасова»
Должность: профессор кафедры русского языка

Третьяковой И.Ю.

ДОСТОВЕРЯЮ

Копия из архива отдела кадров
им. Н.А. Некрасова Г. Любимова С.

10 ноября 2014 г.